

СТИЛИ РЕЧИ В РАЗВИТИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СТИЛЕВОЙ СИСТЕМЫ

*Кафедра теории и истории культуры.
Научный руководитель - М. С. Каган*

Изучение стилевой системы речевой деятельности XX в. представляет значительный интерес и обладает богатым эвристическим потенциалом. В истории мировой культуры в целом этот период является наиболее динамичным по темпу и противоречивым по характеру происходивших изменений. По отношению к культуре России XX в. можно выделить три основных периода, отличавшиеся принципиальным своеобразием общих тенденций развития. Это первые два десятилетия, еще тесно связанные с состоянием культуры конца XIX в., затем длительный период тоталитаризма, сохранявшегося вплоть до 1980-х гг., и собственно современное состояние культуры, специфика которого только лишь начинается складываться на рубеже XX и XXI вв.¹

Особенно важно отметить четкость границ между этими тремя периодами, обус-

ловленную масштабностью и быстротой изменения всей системы культуры в самых глубинных ее основаниях. Первым переломным моментом явилась революция, вторым - перестройка. В результате как первого, так и второго происходило практически полное уничтожение существовавшего порядка и после преодоления культурой некоторого состояния хаоса складывался новый порядок, столь же строгий в своей упорядоченности. Тем больший интерес представляет современное состояние, находящееся на пути от хаоса к новой системе.

Состояние культуры начала XX в. являлось логическим развитием, усилением и закреплением процессов, начавшихся во второй половине века предыдущего. Особенно значимым явилось формирование модернизма как нового по своей сути типа творчества². Отказ от старых форм и мето-

дов в совокупности с развитием изучения психологии индивида потребовал такой организации языка, которая бы позволила создать новую речь, призванную оживить «старое стершееся "литературное" слово академиков»³. Этому способствовала и высокая скорость появления новых вещей, категорий, понятий, и общая установка на неклассическую, алогическую парадигму мышления. Другими словами, были созданы необходимые условия для превращения речи в «языковую игру». Подобная речь, создавая собственные, «заумные» слова, должна была позволить выразить то «переживание вдохновенного», за которым не успевает речь «нормальная». Интересным представляется тот факт, что в довольно значительной мере данный стиль, помимо собственно поэзии, получает непосредственное распространение и в бытовой речи. В дальнейшем это привело к тому, что во многих работах по функциональной стилистике XX в. в целом получил название «века окказионализмов»⁴.

Первым рубежом, прохождение которого положило конец существовавшей системе, стала Октябрьская революция. Особенно важным представляется быстрота и глубина произошедших изменений, в ходе которых катастрофически уменьшился масштаб и круг понятий и представлений, приобретаемых личностью при участии в социальном процессе⁵.

Революция привела не просто к уничтожению классовой системы ради создания нового порядка, но к замене всего многообразия и разнообразия форм отношений и дифференциации социальной системы одной конкретной ее подсистемой, характер и устанавливаемые типы отношений которой были признаны эталонными и, как следствие, распространены на все области культуры и все типы взаимоотношений. Понятия «рабочий» и «производственные отношения» выступили в качестве основы, оси унификации всех социокультурных явлений. Связанная с ними система категорий, в которой толковались любые феномены,

практически нивелировала специфику различных социальных областей.

Одинаково воспринимаемые субъекты и осмысление их деятельности, принципиально различной по направленности, характеру, задачам и функциям, в рамках единой аксиоматики действующих причин и механизмов естественным образом оказываются неспособными производить в итоге различные стилевые формы. Признавая, что для формирования стиля требуются особые установки внимания, характерные для конкретного типа социальных взаимодействий и групп⁶, нельзя не признать, что при сведении их различных типов к единому знаменателю аналогичный процесс происходит и на уровне соответствующих им стилей.

Таким образом, специфика речевой деятельности 30-80-х гг. XX в. была следствием, во-первых, произошедших социальных изменений и, во-вторых, особенностей тоталитаризма как типа культуры. В современных исследованиях сперва в Польше, затем и в России был введен специальный термин «новояз» для обозначения этой формы речевой деятельности. Данное явление воспринималось как системно организованная целостность, располагающая собственным словарем и упорядочивающая все как собственно лингвистические, так и экстралингвистические элементы в соответствии по жестким структурным принципам, определяемым набором определенных догм и предписаний. В своем функционировании он служил закреплению и передаче особых, идеологически обусловленных, категорий мышления⁷. Таким образом, представляется возможным утверждать, что в действительности речь идет именно о специфическом стиле.

Особенно важно здесь отметить уникальность этой ситуации, сложившейся впервые за долгое время, при которой в речевой деятельности особо выявляется один стиль, обладающий настолько глобальным характером, что появляется возможность говорить о нем как о принципиально но-

вом языке. Вероятно, острому осознанию сформировавшегося стиля речевой деятельности как формы, субстанционально отличной от существовавших ранее форм языковой системы, способствовало и резкое отличие социокультурной ситуации от ситуации начала века, когда не только свободно существовали самые разнообразные литературные течения (натурализм и неоромантизм, импрессионизм и экспрессионизм), но во всех областях имелась возможность развития и абсолютно индивидуальных стилей.

Жесткая диктатура превратила язык в «идеологическую собственность государства»⁸, и лишь очень узкий круг посвященных имел возможность влиять на его формирование. Характер подобного языка очень точно раскрыл В. Клемперер, описывая «язык Третьего рейха»: «[Я] то изучал "Карманный ежегодник розничной торговли", то листал какой-нибудь юридический или фармацевтический журнал, читал романы и стихи, допущенные к публикации в данном году, прислушивался к разговорам рабочих в машинном зале или на улице, когда подметал мостовую: везде - будь то устная или письменная речь, речь образованных и необразованных слоев - это были одни и те же штампы, одна и та же интонация»⁹.

Отличительной чертой тоталитарных режимов является создание определенного культа и, по сути дела, определенная «реставрация» первобытной формы общественного бытия. Следовательно, происходит формирование традиционалистской парадигмы, обеспеченной мифологически и реализующейся в системе обрядов, ритуальных действий, этикета, жестко подчиняющих индивида строгим идеологическим нормам. Наряду с практически полным нивелированием дифференциации отношений с реальными социальными субъектами, это приводит к восстановлению и той системы стилей, которая была свойственна первобытности - разграничению обращения к Идеальному субъекту и общения с реаль-

ным субъектом, которое оказывается возможным только вне зоны видимости «богов».

Основными, следовательно, становятся два стиля: новый «религиозный», применяющийся во всех сферах «сакрального пространства победившего социализма», и естественный разговорный. Более чем когда-либо строгая дифференциация этих двух стилей характеризует принципиально разные установки по отношению к одной и той же рационально понимаемой материи. Следование установкам, предписываемым «новоязом», и намеренное их игнорирование, использование языка традиционного, исконного, лишенного идеологических наслоений, поистине создает особый смысловой уровень высказываний.

На фоне этого процесса научный стиль теряет завоеванное ранее значение. Сами научные труды во многом строятся с использованием того же стиля (организационно-производственных отношений), так как тоталитарное общество, восстанавливая мифологическую картину мира, передавала право принимать решения относительно истинного и ложного группе «жрецов» - партийных идеологов-профессионалов¹⁰. В этой связи особенно важным представляется развитие поэзии 1960-х годов, которая начинает выполнять гораздо более серьезные социально-идеологические функции, чем когда бы то ни было.

Формы языкового сопротивления, объединявшие большое количество различных жанров, в целом, однако, не составляли единого стиля. Разрушение этого стиля было вызвано крахом самой системы как в социальном, так и в экономическом и идеологическом смыслах.

Перестройка оказалась вторым переломным моментом в русской культуре XX в. В некотором смысле, вероятно, можно сказать, что развенчание «культа личности» и сопутствующие этому процессы привели к стиранию последних социальных границ, завершив движение, начатое революцией. Поэтому неслучайным представляется и

сходство процессов, происходивших в 1990-х гг. с аналогичными тенденциями периода нэпа в 1920-х.

Резко расширяется состав участников массовой и коллективной коммуникации, большая часть населения получает возможность приобщиться к роли авторов, «официальный диктор радио и ТВ сменяется ведущим, который размышляет, шутит, высказывает свое мнение». Кроме того, меняются важные параметры протекания устных форм общения и коммуникации: создается возможность непосредственного обращения говорящего к слушающим и, что особенно важно, осуществления столь же непосредственной обратной связи слушающих с говорящими. Все это приводит к изменению основных признаков любой публичной, официально-деловой речи. На смену подготовленного, лишнего непосредственности общения, приходит общение неподготовленное, спонтанное, отличающееся высокой степенью диалогичности и ярко выраженным личностным началом. Другими словами, доминирующим стилем становится естественная разговорная речь, даже нарочитая «разговорность», возведенная в норму общения истинно демократического общества.

Вместе с тем говорить о тотальной гомогенизации форм речевого общения представляется неоправданным. Современное состояние действительно не тяготеет к выявлению нескольких крупных классических стилей. Но, тем не менее хаос, существовавший в постперестроечный период, уже начинает исчезать. Основой нового порядка, как представляется, будет на этот раз являться не только смена ролей и функций между существовавшими институтами культуры, но, в высокой степени, появление принципиально новых типов отношений и технических средств их реализации.

Одним из интереснейших феноменов развития форм речевой деятельности в современном мире представляется так называемый язык Интернета¹². Необходимо отметить два основных аспекта, влияющих на

язык Интернета. Первый из них связан с принципиально новым способом организации текстов, детерминированным особенностями данного носителя, в наибольшей степени отвечающего потребностям современного состояния сознания. Формируется специфическая практика чтения, одной из основных характеристик которой является нелинейность и множественность способов выбора и соединения разных частей в некоторое единое целое. В рамках этой практики соответственно изменяются и составляющие ее фрагменты. Каждая часть сама по себе приобретает характер самостоятельной текстовой единицы. Их сопряжение происходит через использование ссылок и в результате всегда приводит к возникновению гипертекста и, соответственно, гиперчтения.

Данная особенность обусловлена развитием, изменением характера ценности интеллектуальных данных в культуре в целом. Смещение акцента в установке современного сознания с понятия «истина» на понятие «информация» было раскрыто уже в известном труде Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», появившемся практически одновременно с созданием первых информационных сетей (сначала «Фидо», а затем и Интернет). Вместо единой системы знания, детерминирующей целостное мировоззрение, в итоге получается энциклопедия данных, структура и метод сочетания которых в каждом случае определяется особенностями конкретной гипотезы или теории. С другой стороны, именно доступ к информации и умение оперировать ею становятся доминирующим фактором в определении социальных позиций человека. Именно такому положению дел в сфере духовной жизни современной культуры в наивысшей степени соответствует стиль языка виртуальных систем.

Второй аспект касается самой организации общения и связан со спецификой канала связи. В этом смысле можно говорить о появлении такого уникального явления как письменная разговорная речь. Техни-

ческие возможности Интернета - в первую очередь, различные форумы, чаты и проекты, аналогичные ICQ, - впервые создали такие условия, при которых, несмотря на фактическую письменную форму общения, удастся практически полностью воссоздать специфические черты устной речи. Особенно интересным и показательным в данном случае является использование междометий и так называемых смайликов, заменяющих экстралингвистические средства, неотъемлемые при обычном устном общении.

О возможности и определенной логической необходимости создания форм культуры, принципиально отличных от всех существовавших ранее и основанных именно на фиксации устной речи как таковой, указывал еще Ю. М. Лотман в своей статье «Устная речь в историко-культурной перспективе»¹³. Именно различные попытки и

векторы реализации данной тенденции, как представляется, могут лечь в основу такой современной системы стилевой дифференциации, которая будет отвечать новым задачам формирующейся культуры XXI в.

Таким образом, очевидно, что изменения стилевой системы речи, непосредственно связаны с трансформацией общекультурных парадигм. Следовательно, для адекватного и полного понимания происходящих сейчас функциональных и смысловых сдвигов в использовании различных стилей, современное состояние необходимо рассматривать не как бесконечное, хаотическое множество неопределяемых стилевых образований, а как начало нового порядка, для понимания и описания которого требуются категории и критерии оценки, принципиально отличные от существовавших прежде.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Каган. М. С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 2. СПб., 2003.
- 2 Там же.
- 3 Крученых А. Декларация № 5 // А. Крученых. Заумный язык у Сейфулиной, Вс. Иванова, Леонова, Бабеля, И. Сельвинского, А. Веселого и др. М., 1925. С. 57.
- 4 Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
- 5 Манхейм К. Избранное. Социология культуры. М.; СПб., 2000.
- 6 Иоффе И. Культура и стиль. Система и принципы социологии искусств. Л., 1927.
- 7 Купина Н. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
- 8 Григорьев В. 77. О состоянии русского языка // Ю. Н. Караулов. О состоянии русского языка современности. М., 1991. С. 44.
- 9 Клемперер В. ЛТН. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 12.
- 10 Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 2. СПб., 2003.
- 11 Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 13.
- 12 Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского интернета: Особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43.
- 13 Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. В 3 т. Таллин, 1993.